

ность. И прежде всего, есть основаніе думать, что лицевыя лѣтописи рассказывали о событіяхъ, если не современныхъ, то очень близкаго прошлаго. Я разумѣю ту щепетильность редакціонной работы, которая выразилась въ тщательномъ уничтоженіи наименованія князя Владимира Андреевича — братомъ государя, въ вычеркиваніи нѣкоторыхъ именъ: М. С. Воронцова и П. И. Головина, М. Глинскаго и Тучкова, Михаила Юрьевича. Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію Н. П. Лихачева, что эта черта редакціонной работы была бы «для редакціи XVII вѣка просто бессмысленна и необъяснима», прибавлю еще, что Филаретъ, конечно, бережно сохранилъ бы имя Михаила Юрьевича. Живыя и неостывшія еще впечатлѣнія заинтересованнаго современника сохранились и въ скорописныхъ припискахъ на «Никоновской съ рис.» и на «Царственной книгѣ»; я съ увѣренностью принимаю поправку А. А. Шахматова къ моему прежнему мнѣнію: «предполагать, что онѣ заимствованы изъ какого-нибудь письменнаго источника совершенно невѣроятно»¹⁾. А есть-ли какая-нибудь вѣроятность видѣть автора этихъ приписокъ — въ Филаретѣ?

Конечно, труднѣе привести основанія для мысли о приостановкѣ работы надъ лицевыми лѣтописями, если для этого не достаточно факта пробѣла между 1567 г. и коронаціей царя Федора, на заполненіе котораго нѣтъ ни одного намека, и ссылки на «печальныя происшествія послѣднихъ лѣтъ царствованія Ивана Грознаго». (Лихачевъ).

3. *Отношеніе Царственной книги къ такъ наз. рукописи Филарета.* Царственная книга — «корректурный экземпляръ одной изъ лицевыхъ лѣтописей». Поэтому А. И. Соболевскій находитъ «естественнымъ искать продолженія ея въ видѣ черновика» — и находитъ это продолженіе въ рукописи Филарета. Сопоставленіе двухъ столь разнородныхъ памятниковъ совсѣмъ непонятно. «Царственная книга» — результатъ передѣлки уже готовой части

1) См. рец. А. А. Шахматова на трудъ Н. П. Лихачева въ «Изв. Отд. Рус. яз. и Сл.», т. IV, кн. 4.